

ОЛЕГ ДИВОВ

ТОЛКОВАНИЕ
СНОВИДЕНИЙ

Олег Игоревич Дивов

Толкование сновидений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118810

Дивов О. Толкование сновидений: ЭКСМО-Пресс; Москва; 2000
ISBN 5-04-005832-2

Аннотация

Этот спорт называется «хард-слалом». И победа, и поражение на трассе могут закончиться для лыжника серьезной травмой, а то и гибелью. Мгновенная реакция, высокий профессионализм – что еще нужно, чтобы домчаться до финиша, стать первым и остаться живым? Оказывается, кое-что еще. Сны предвещали герою выбор, риск и выигрыш. Вроде бы привычное дело.

Он и представить себе не мог, по какой тонкой грани ему выпадет пройти. Жизнь и смерть, любовь и ненависть, подвиг и убийство будут лежать по ее стороны. А грань эта – стальной кант горной лыжи. Достаточно одного неверного движения, и ты уже совсем другой человек...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	16
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Олег ДИВОВ

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ

Пролог

Когда остается дюжина пар до конца, на финишной площадке уже плюнуть некуда, не то что эффектно развернуться. Прессу отсюда вежливо гоняют, но она вновь обратно просачивается. Еще бы, здесь же все фавориты – толпятся у бортика, нервно переступая с ноги на ногу. Лыжи поставили вертикально, головы дружно повернули к табло. На каждой лыже крупный логотип производителя, на каждом лице непередаваемое словами полуобморочное выражение. У меня в альбоме куча таких снимков. «Элан» и я маленький, «K2» и я постарше, «Хед» и я, уже похожий на себя нынешнего. Теперь акценты немного другие – скорее это я и «Россиньоль». Все-таки если раньше фирма получала меня оптом, в пакете со всей командой, то сейчас я лыжник эксклюзивный и сам могу выбирать. Как это называет Илюха – «мальчика произвели из шлюх в куртизанки». Ничего, пусть издевается. Он на самом деле не завистливый, просто хамло.

Вот мы, «призовые пары», смотрите на нас, восхищайтесь. Болгары уже скатились до бронзы, но все еще надеются, что выйдет дубль. Стоят, пыхтят, быстро переглядываются между собой, перебрасываются короткими фразами – и снова глазами к табло. Не дай Бог кто-то сейчас прискачет с лязгом и скрежетом, и «разломает» пару. Болгарская команда вся сидит внизу, поправить ситуацию некому. Да и нет таких героев все равно, лучшие их лыжники застыли у бортика, впившись глазами в цифры. Еще одна пара наверху у американцев, но им тоже вряд ли светит. А вот чехи, которые только начали разминаться, меня слегка нервируют.

В принципе мы профессиональные горнолыжники. Но обычно про нас говорят – «челленджеры». Формулу «Ски Челлендж» придумали двадцать лет назад, и с каждым годом число делающих ставки возрастает на миллион человек. Удлиненная трасса, очень злая, очень быстрая, флаги разнесены почти как в слаломе-гиганте¹. Требует в первую очередь выносливости и отваги, причем в количестве поболее, чем у обычного мастера спорта. А условия выигрыша на тотализаторе – как везде, нормальные коэффициенты по ставкам. И лишь для тех, кто ставит на пару – супервысокие. Казалось бы ерунда, подумаешь, мужчина и женщина из одной команды должны взять одно и то же призовое место. Две бронзы, два серебра... А ты угадывай и ставь денежки. Но в том-то и фокус, что за всю историю наших тараканьих бегов по снегу «золотых пар» сложилось лишь девятнадцать. Иногда аж по три за сезон. А иногда три сезона кряду вообще без дублей – одни поломанные ноги...

Я же говорю – злая трасса. Сегодня еще ничего, тошнотная, но проходимая. А бывает, такую отгрохают, что только на схему посмотришь и думаешь – все, пардоннэ муа, я здесь не поеду. Но потом вспомнишь, что в «Ски Челлендж» не каждого обладателя Кубка Мира приглашают, а тебя вот позвали, соберешь душу в кулак, перекрестишься – и на старт. Безу-

¹ Если не вдаваться в тонкости, вся разница между классическими горнолыжными дисциплинами заключается в протяженности трассы, перепаде высот, расстоянии между флагами и степени их «разноски» от осевой линии. Собственно рост этих параметров и обуславливает деление на Slalom (слалом), Giant slalom (слалом-гигант), Super-G (супергигант), Downhill (скоростной спуск). Попросту «чем дальше, тем все больше» – скорость, нагрузка, время пребывания на склоне, опасность для жизни (но не риск травматизма вообще – самый жуткий перелом ноги, который довелось наблюдать автору, был заработан на скорости, не превышавшей 20 км/ч). Судя по описанию, трудность прохождения трассы «Ски Челлендж» происходит именно из ее «пограничного», междисциплинарного характера. Лыжнику навязываются выматывающие условия – завышенный темп, усложненный рельеф, большая протяженность нагрузки по времени, – но при этом от него по-прежнему требуется высокая техничность. Это должно быть очень красиво – естественно, когда глядишь со стороны.

мие. Экстремальное шоу с непредсказуемым исходом. Раз в месяц по одной и той же горе несутся парни и девчонки, снося флаги, вылетая, кувыркаясь, сшибая иногда публику... На видео очень зрелищно. Диски с записью самых эффектных моментов идут нарасхват. Даже я там отметился – это когда у меня от перегрузки лыжа расслоилась. Тьфу! Зачем мы это делаем? А все гордыня неумная. В том же самом Кубке Мира я ни разу выше третьего места не вскарабкался. Тамошняя слаломная трасса для меня – частокол. Теряю на каждом флаге по одной-две тысячных просто из-за того, что темпераментом не вышел.

Бешеные деньги сегодня получит тот, кто поставил на нас с Машкой. Если, конечно, результат продержится.

Жжжж! Вздывая снежный бурун, разворачивается девчонка из Лихтенштейна. Четвертый результат. Теперь можно и расслабиться, ее напарник в этом сезоне ни разу больше пятого места не привозил. Фавориты переводят дух. Особенно глубоко дышат болгары. Кто-то истерически хихикает. Но впереди еще чехи и австриец. При жеребьевке их отнесло в конец, трасса ребятам достанется разбитая, но и ноги у этой компании золотые. Будем надеяться... Шмяк! В полете Лихтенштейн. Трибуны визжат. Одного из букмекеров схватили под руки и понесли – сердечный приступ. Наверное, впарил лихтенштейнца какому-нибудь азартному мафиозо за «темную лошадку». Ну и дурак.

Вокруг девчонки из австрийской команды вьются репортеры. Знаю я эту Ханну, слова из нее не вытянешь. Вся она сейчас там, наверху, где уперся палками в снег ее возможный напарник. Привезет он ей серебро, или нет? Второй мужик-австрияк висит на бортике и с отрешенным лицом таращится, куда и все. Откатали хорошо, выложились до последнего, но... Впечатление такое, что цифр на табло ребята не видят. Просто смотрят. Устали. Ни мышц, ни нервов, ни воли. Оставили на трассе всё целиком. Мне их жаль. Почти как себя.

Эттеншн! Гоу! Снежная пыль, кланяющиеся до земли флаги. Один не удержался в «стакане», намертво в замороженном в покрытие, и улетел куда-то в толпу, когда его срубил австриец. Отменно парень атакует. Отменно. Но серебра ему не видать. Слишком лихо начал – до того за здоровье, что с середины трассы начнется упокой. Дружный вздох на трибунах – промежуточный финиш у этого деятеля лучший. Ерунда, сейчас он начнет уставать и ошибаться. Машка сильно толкает меня плечом. Я на миг оборачиваюсь и дарю ей взгляд, полный вдохновенного пренебрежения. Это не для нее, для камер, что впились объективами в мое лицо, ищут отголоски страха. Машка фыркает. Глаза у нее блестят – на подходе слеза. Ничего удивительного. Закрытие сезона. Полный моральный и физический износ. В таком состоянии не то, что расплакаться – застрелиться впору, когда твои основные конкуренты съезжают.

Вжжжж!!! Австрияк первым делом срывает лыжи и ставит их торчком, честно отработывая контракт. Да, с нервной системой у парня все нормально. А может понял уже, как обманулся со своим резким стартом. Чуть-чуть ему поровнее съехать, придержать себя поначалу – было бы серебро. А так – спекся на второй половине трассы. Ханна качает головой. В женском зачете второе место, в мужском третье. Австрийского серебряного дубля не сложилось, зато бронзовый сломан, болгарский. Опять. Как в прошлый раз и позапрошлый. Братья-славяне затравленно озираются. Нет, коллеги, жесткий слалом не для честолубивых. Он только для лучших. Для таких, как мы с Машкой. Кстати, пора бы ей и разрыдаться. Телевидение обожает такие штуки. И спонсоры, те просто тают. Боссы корпораций, как правило, малость сумасшедшие, и истеричные натуры им близки по духу. Садомазохистское занятие жесткий слалом. Что кататься, что инвестировать в него, что делать ставки. Одна фигня.

А я спокоен как вымерший динозавр. Я совершенно чужой на этом празднике жизни. Парю над ним и удивляюсь – какого черта меня сюда занесло? Мне ведь не нужно себе ничего доказывать, мне отлично известно, что я лучший. Для чего же я здесь? Деньги зарабатываю? Ох, вряд ли. Горжусь тем, что если в классическом слаломе торможу, зато тут моло-

дец? Застарелый комплекс неполноценности залечиваю? М-м... Нет, конечно, приятно стоять у бортика и ждать, когда принесут медаль и чек. Но это совсем не главное. Дело просто в том, что я люблю съезжать. Так мы это называем – «съезжать». Богатая формула. На трассе случаются иногда моменты временного умопомешательства, когда ты становишься богом. Не с заглавной буквы, конечно, а вроде того придурка из Старшей или Младшей Эдды, который ходил с кувалдой и всех лупил по головам. Да, именно съезжать. Катаются чайники.купаются э-э... купальщики. Хард-слалом задает лыжнику слишком жесткие рамки, чтобы называть сие действо «катанием». Вот мы и съезжаем потихоньку. Это как в F1, где нет водителей, только пилоты. Кстати, у нас и задача та же самая – носиться по узкой дорожке, которую тебе навязали.

Так, стартовала наша Мисс Америка. Злосчастный флаг, убитый австрийцем и наспех засунутый в «стакан», опять летит кому-то в морду. Нет, Штаты сегодня явно не в форме. От напряжения в горле пересохло, свистну-ка я ребятам, чтобы подбросили водички. Мне самому к бортику отходить нельзя, маркетинговая стратегия не велит. Обязан красоваться перед объективами, возвышаться и царить. Машка что-то говорит нашему комментатору, и интонации у нее на грани срыва. Бедная Машка. Когда она объяснялась мне в любви, у нее был примерно такой же голос. Если ей вступит в голову, что заполучить меня удастся только убив Кристи, она это сделает без промедления. Хотя вру. Мы с Марией оба страдаем комплексом превосходства. Убивать какую-то мелкую и худосочную француженку, которую в наш лихой «Ски Челлендж» никогда не пригласят, это по Машкиным понятиям моветон. Примерно то же, что для меня ревновать Кристи к ее прежним любовникам. Поэтому Маша искренне считает, что я просто временно заблудился, и это скоро пройдет.

«Ну что, Павел, как вы думаете, вас уже можно поздравить?» – «Нет». – «Это горнолыжное суеверие, или вы просто ждете выступления чехов?» – «Да». – «Сейчас на старте лучшие спортсмены чешской команды, вы полагаете, они могут улучшить ваши результаты?» – «Сомневаюсь. Золотой пары у чехов не будет. А вот Боян в принципе может разломать наш дубль. Конечно, трасса очень сильно разбита. Но вы же знаете, Влачек уже несколько раз из безнадежных внешне ситуаций вывозил отличное время. Это безусловно талантливый лыжник. Горжусь, что могу назвать его своим другом». – «Он лучший на сегодня, как вы думаете?» – «Я не сказал, что он лучший. Сегодня лучшие – Мария и я. А Влачек просто талантливый. Он еще не так ровно выступает, чтобы считаться лучшим. Извините, мы следим...»

Вот так, и только так. Спонсоры плачут. Народ стонет. А что же ты, милая Кристи? Что ты скажешь мне после? «Поль, ты неисправимый пижон». Умница. «Но я все равно тебя люблю». Правильно. Я тоже.

Нужно будет потом извиниться перед Бояном, если мое заявление пойдет в эфир. Потому что наврал я, ох, наврал... Ладно, через несколько лет я сам буду носиться с микрофоном, и мне будут врать другие лыжники. Элементарная физика – закон сохранения вранья в информационном поле.

Мисс и Мистер Америка, он четвертый, она пятая, вне себя от раздражения, но все равно с улыбкой идут к нам говорить комплименты. Злы они не на нас с Машкой, только на себя. «Пол, Мэри, сегодня ваш день». Ну, это мы еще посмотрим... «Когда сделаете круг почета, не целуйтесь слишком долго, можете замерзнуть! Ха-ха!»

Ха-ха-ха. Машка уже передумала рыдать, она хищно буравит глазами мой висок. Круг почета – забавная церемония. Но при этом удивительно торжественная. Представьте себе окружность. Нижняя ее точка – финишный створ, верхняя у подножия центральной трибуны, возле пьедестала. Золотая пара встает спина к спине в нижней точке и разъезжается коньковым ходом в разные стороны вдоль бортика, чтобы в верхней точке встретиться. По дороге победители радостно машут толпе, а им на головы сыпятся градом примороженные

цветы, очень жесткие и травмоопасные от холода мягкие игрушки, какие-то флажки дурацкие и прочая дребедень. Под трибуной победители на приличной скорости заходят друг другу в лоб, но в последний момент чуть подтормаживают и мягко въезжают один другому в объятья. Вот, собственно, и все. А дальше уже всякая ерунда типа пьедестала, медалей, дипломов, чеков и душа из шампанского. Главное – круг почета. В жизни «челленджера» он случается только раз. Во всяком случае, пока исключений не было. Тяжело это сделать – чтобы два золота в одной команде. Чересчур жесткие трассы, чересчур мощная конкуренция.

Я кошусь на столпотворение у букмекерских терминалов. Ставки, которые собираются прямо с трибун, ничто по сравнению с денежными потоками, идущими по сети. Но для серьезных контор эти кабинки – элемент престижа. А лыжнику они напоминают: ты на ипподроме. Ты скаковая лошадь и жокей в одном лице. Десятки миллионов людей надеются на тебя, и миллиарды юро стоят на кону. Боян как-то признался, что иногда ему бывает стыдно. В самом деле, вот ты привез себе медаль, а в каком-нибудь Гондурасе у человека инфаркт. Я ему в ответ: а сто инфарктов не хочешь? А двести? Он даже в лице переменился.

А вот, кстати, и пошел Боян Влачек. Наши шибко образованные комментаторы, уверенные, что как пишется, так и слышится, упорно называли его «Влчек», пока я им не сделал внушение. По-русски фамилия Бояна будет Волков. М-да, стильно шпарит господин Волков. Тресь! Опять этот флаг улетел.

Машка инстинктивно жметя ко мне вплотную. Есть чего бояться, дружище Боян опасный соперник. В будущем сезоне он меня точно сделает. А если поднапряжется как следует, то и сейчас все может быть. У мужика на самом деле талантище, не хуже, чем в свое время у Стенмарка или нашего Жирова. «Продвинутый интеллект нижних конечностей», как это называет острослов Илюха. Для Бояна фактически нет чрезмерно разбитых трасс. Он в любой канаве выписывает идеальную траекторию. Мне часто приходится драться с горой, Бояну никогда. Я побеждаю не столько мышцами, сколько бешеным напряжением мозгов. А этот талантливый чех подкачал мускулатурку – и ездит себе, посвистывая. Сам видел. И слышал. Пока что моя голова умнее, чем его ноги. Пока еще... Ох, красиво чешет! Впрочем, ему же хуже. Старый уговор – если разобьет мой золотой дубль, подарит мне свой «Порш». Уговору лет десять, мы тогда еще ни о каком золоте и ни о каких «Поршах», естественно, не мечтали. А сегодня все реально. Ох, как прет! Лучший результат на промежуточном. Машка шмыгает носом. Эй, старик! Полегче! Да что же ты делаешь?!

Казалось, мир взорвался, когда он упал.

За последними стартами уже никто особенно не следил. Боян, хромая, протолкался ко мне сквозь толпу репортеров, и я его расцеловал. «Катайся пока на „Порше“, старик. Я еще подожду». – «Договорились. В будущем сезоне он тебе достанется». – «Что с ногой?» – «Ерунда. Давайте, мои хорошие. Круг почета. Эй, Мария! Мысленно я с тобой! В смысле – на месте Павела. Ха-ха-ха!»

Ха-ха. Бронзовые и серебряные призеры уже начали распахивать толпу. Самые титулованные в мире «челленджеры», невзирая на прошлые заслуги, бегали по финишной площадке, оттирая прессу к бортику. Тоже в некоторой степени ритуал. Для золотой пары стараются все. Ну, вот и занавес. Финита. Поднимайте флаг. В году две тысячи двадцатом русские сделали «трижды двадцать». Мы – юбилейная, двадцатая золотая пара за всю двадцатилетнюю историю жесткого слалома. И Машка вовсе не собирается плакать. Она уже представляет, как мы обнимемся там, в верхней точке окружности.

Как это было красиво, наверное, со стороны! Чуть подтанцовывая, чтобы движение казалось легким и естественным, я пошел «коньком» вдоль бортика, хлопая рукой по представленным мне ладоням. Лыжи скользили так легко, будто меня толкала в спину невидимая крепкая длань. Я разогнался даже больше, чем нужно, и не хотел ни останавливаться, ни даже немного подтормозить. Я хотел, чтобы это длилось вечно.

У Машки в руках набрался огромный букетище, и она небрежно отшвырнула его. Вороная грива, яркий чувственный рот, огромные зеленые глаза, полыхающие неземным огнем. Мы все-таки чуть-чуть погасили скорость. Но все равно наши тела грубо столкнулись, и у обоих перехватило дыхание. Машка впилась в мои губы, мы плавно заваливались на бок, это падение оказалось бесконечным – наверное из-за поцелуя, в который моя партнерша вложила все то, о чем уже тысячу раз мне говорила. Наконец мы, не разжимая объятий и не размыкая губ, рухнули, и сквозь вселенский рев толпы пробился восторженный щенячий визг. Это русская команда рванулась от бортика – у каждого в руках целый сугроб, – и принялась иступленно нас хоронить. Ритуальное омовение снегом. Не захлебнуться бы. Хуже, чем утонуть в снегу, наверное, только в песке. Я в снегу тонул. Мерзейшее ощущение.

Я открыл глаза и увидел сомкнутые длиннющие Машкины ресницы. Я оторвался от нее на миг, перевел дыхание, и чуть не поцеловал снова. Она была прекрасна. А вокруг плясали люди.

Вот сказать бы сейчас: «Мария, я тебя люблю». И все. Преданная, верная, готовая для моей пользы любому голову оторвать, рожать от меня детей, вести хозяйство, глядеть собачьими глазами... Впрочем, можно не говорить ничего, все так и есть на самом деле. Только руку протяни. Но в том-то и дело, что мне нужно произнести эти слова в первую очередь для себя. Это как обменяться кольцами. Просто символ. Но в нем чертовски глубокое содержание. Во всяком случае, так это я понимаю. Наверное, поэтому я еще ни с кем не обменивался кольцами.

А с другой стороны – ведь когда придет время расставаться, Машка отвернет голову мне. Наверное поэтому, как я ни старался, мне так и не удалось проникнуться к ней ответной глубокой и всепоглощающей страстью. Мария льнула ко мне с самого начала, еще в юниорской группе. Потом демонстративно шастала по мужикам с таким видом, будто назло. Пару раз я пытался с ней серьезно поговорить, но все мои аргументы разбивались об ее уверенность в том, что рано или поздно мы будем вместе. Ужасная женщина. Никто меня не заставлял так угрызаться совестью. Вот Боян из-за каких-то инфарктников казнится, а мне перед Машкой стыдно. За то, что хоть зарежусь – не смогу я ее полюбить. Мне с ней даже насчет переспать, и то подумать страшно. Даже спяну. Знаю, чем это кончится. А потом, я такой странный тип... Кто это сказал, мол умри, но не дай поцелуя без любви? Не помню, но это про меня. То ли молодой еще, то ли слишком романтик, то ли все тот же комплекс превосходства во мне играет. Вообще-то, сами подумайте, какой смысл в сексе с человеком, который тебя не интересуется как личность? Может, тогда за деньги честнее будет? А резиновых женщин сейчас насобачились делать таких, что от живой не отличишь.

Короче говоря, так я ее и не поцеловал. Наоборот, даже слегка встряхнул. А она наконец-то заплакала. Все решили, что это на радостях, и бросились нас откапывать.

И тут наступил какой-то провал в сознании, потому что вдруг оказалось, что я сплю и вижу удивительный сон. Мы с Кристи бок о бок неспешно катились по одному из знакомых мне с раннего детства склонов в подмосковном Туристе, и вокруг были люди, вынырнувшие откуда-то из далекого прошлого, те, кто учил меня, совсем несмысленыша, стоять на лыжах – в основном родственники и их друзья. Что удивительно, все они были молодые, какими их запечатлело мое детское «я». Светило яркое солнце, и ноги сами писали дугу, и совершенно неожиданно я почувствовал скользящей поверхностью какую-то жидкость. Опустил глаза – под лыжами действительно плескалась абсолютно прозрачная вода, тонкой пленкой лежащая поверх непрочного льда. Это был замерзший пруд, слегка подтаявший сверху. Я не испугался, инерции вполне хватало, чтобы докатиться до берега. Кристи тоже не выглядела беспокойной, только чуть нахмурилась, стараясь держать баланс. В принципе катание по воде совсем не такая отчаянная забава, как это выглядит со стороны. Мне довелось однажды присутствовать на зимнем альпийском карнавале, и черт меня занес посмотреть, как под-

выпивший народ штурмует с разгонной горы вырубленную в реке полынью. В этом трюке главное – трезво оценить, каким окажется перепад в скольжении, когда ты вылетишь со снега на воду, и не потерять равновесия. Трезвых на карнавале днем с огнем не сыщешь, так что зрелище выходит презабавное. Недаром большинство стартующих из одежды на теле оставляют только лыжи и трусы. Я тоже был тогда, признаться, здорово навеселе. Слово за слово, ну и... И ничего особенного не произошло. Холодный расчет, обжигающий глинтвейн (а в нем лошадиная доза русской водки) – и мне пришлось даже активно тормозить, когда полынья осталась позади. А опыт запомнился, поэтому и во сне я скользил по воде смело, дотянул до берега и даже выскочил на него почти на полную лыжу. Пришлось толкнуться палками, чтобы выдернуть задники, и все проблемы. А Кристи уже стояла впереди и улыбалась мне.

Почему-то были сумерки, и я сразу узнал это место – родная территория Московского Университета. Слева ощущается громадина того, что понимающие люди зовут «ГЭЗ». Вот первый гуманитарный, а вот и спорткомплекс. Дорожки оказались залиты льдом, слегка припорошенным снегом. Я оглянулся – пруда уже не было, да и негде ему здесь поместиться. Но тем не менее, мы это сделали. И Кристи уже стояла у меня за спиной. Ну что ж, на перекрестке особенно не разгуляешься, так ведь и мы не Наполеоны – верно, Кристи? А то, что почти голый лед под ногами, это ерунда. Канты такие, что бриться можно. Гоу! Круг почета. Не знаю, почему, но чувствую – мы его заслужили.

И мы степенно, не спеша, заложили круг. Мягко, с ювелирной точностью сошлись грудь к груди. Я заглянул в ее глаза и чуть не задохнулся от прилившей к сердцу нежности. У вас бывало так – всем телом вдруг ощутить, насколько же ты любишь? И насколько любят тебя... Мы даже не поцеловались, мы просто обнялись, прижались друг к другу, вложив в это объятие столько доверия и верности, сколько бывает лишь между самыми близкими людьми. «Я люблю тебя, Кристин». Во сне мой французский оказался гораздо чище, нежели на самом деле. «Я люблю тебя, Поль». Вот так. Именно так. И никак иначе.

Тут-то я и проснулся.

И ничего не понял. Ну совершенно.

Я сидел на жесткой табуретке в лифтовом холле какой-то провинциальной гостиницы. В аккурат между двумя лифтами, прижавшись щекой к холодной стене. Перед носом торчала старомодная пластиковая кнопка вызова. Неподдалеку стояла еще одна табуретка самого простецкого вида.

Я не без труда отодрал щеку от стены и попытался разобраться, что, где и когда. Сразу испытал некоторое облегчение – на мне оказался мой любимый джинсовый костюм от Манчини, в карманах прощупывались документы, кредитки и наличные. Уже проще. Только как-то непривычно в ногах. Я посмотрел вниз – ого! А ботинки? Ладно, хотя бы не совсем босиком, все-таки в носках. Но э-э... м-м... почему? Зачем?

Послышались шаги. Повернуть голову оказалось неожиданно трудно, поэтому я решил просто дождаться развития событий. «Лифта ждешь?» – деликатно поинтересовались сверху. Ну, глаза-то меня слушались.

Совсем молодой парнишка, стажер, только что перешедший к нам из юниорской лиги. Взяли на пробу. Черт побери, ну почему явился этот салажонок, который просто не поймет, что я не в себе? Из деликатности, так сказать... Почему не Генка? В крайнем случае Илюха или Димон... Что же мне теперь делать?

Он утопил кнопку вызова и присел на табуретку напротив, стараясь не глядеть на мои ноги. «Я с тобой прогуляюсь, ладно?» – вот и все, что пришло в голову. «А?... Да, конечно». Ну и отличненько. Мне бы только оценить для начала обстановку, там уж я как-нибудь... Ничего не понимаю. Неужели меня накачали какой-то дрянью? Кто? Где? Чего ради?

Подождал лифт, парень встал и шагнул в кабину. Я тоже поднялся, довольно легко, и последовал за ним, какого-то хрена ради прихватив с собой обе табуретки. Их оказа-

лось совсем не трудно пристроить сиденье к сиденью и ухватить одной рукой. Новобранец по-прежнему старательно отводил глаза. Ладно, малыш, не тушуйся, сейчас выберемся на улицу, там я мигом сориентируюсь.

Черта с два! Как только двери на первом этаже открылись, у меня перед глазами все поплыло. И очнулся я уже посреди здорового супермаркета, по-прежнему босой и с дурацкими табуретками под мышкой. Н-да, положеньице... Где-то впереди маячит салажон, и даже по спине его понятно, до чего он рад от меня отделаться. Удрал? Или я его того... попросил? Не помню. Ничего не помню. Мама! Куда это меня занесло? Ну-ка, оглядимся. Медленно. Не упасть бы с перепугу, оглушительно грохоча табуретками – поджилки так и трясутся. О-о! У-у... Молодец, Поль. Это ж надо так надраться! Чудовище ты горнолыжное!

Продавцы в мою сторону подчеркнуто не глядят. Да идите вы! Зато теперь я знаю, куда меня зашвырнуло. Наверное, пока сюда шли... Шли? Ноги сухие, носки чистые. Ну ладно, пока мы сюда э-э... перемещались, я сумел-таки шестым чувством просечь рельеф местности. И как только до меня дошло, какой это город, сразу пошли на ум и некоторые подробности. Итак, я торчу с этими кретинскими табуретками прямо в геометрическом центре задрипанного, но милого австрийского городишки Кица (то есть Китсбюэля, но русские между собой говорят «Киц» – видимо, бессознательно уходя от рвотных ассоциаций). Хоть какая-то явная сцепка с реальностью. Уффф... В целом не худший вариант. Случись со мной такой конфуз дома – сидел бы уже в ментовке. Проба на наркотики, вежливый звонок менеджеру... Б-р-р! А Киц все-таки Европа, место культурное, граждане уважают право личности на самовыражение. Выйду сейчас на улицу, влезу на табуретки, будь они неладны, и стихи начну читать – никто глазом не моргнет. Хотя к русскому горнолыжнику могут и бежаться послушать – нас в городе знают, мы поблизости арендуем тренировочную базу. И вообще, Киц только лыжами и живет. Так, а что, собственно говоря, тут сегодня делают русские? Тренируются? Ага, в употреблении психоактивных средств! Ладно, подключим голую логику. Если зеленые юнцы лазают по дорогим магазинам, а я достаточно косой, дабы разгуливать босиком... Естественно! Финальный этап «Челлендж»! Мы просто закрыли сезон. И сегодня... Ой, сегодня приезжает Кристи. Да, это будет, как говорит Илюха, «пассаж»! В хор-рошеньком состоянии встречу я свою возлюбленную. Клянусь, не виноват. Но кто меня так накачал?... И чем?! В жизни ничего крепче пятидесяти градусов в рот не брал. А уж про коноплю или там галлюциногены всякие разве что понаслышке знаю. Впрочем, разберемся. Да и Кристи не девочка, поймет.

Теперь два неотложных вопроса. Табуретки эти мне, судя по всему, очень дороги, так что расставаться с ними подождет. Вдруг на самом деле пригодятся. Обстановка-то непредсказуемая. Черт его знает, куда меня через минуту забросит, и какие чудеса я там обнаружу. Может, пресс-концерцию, а может и групповую драку наших с ихними. В обоих случаях лучше приходить со своими табуретками... И обязательно добыть что-нибудь приличное на ноги. Конечно, если ты в джинсе от Манчини, то можешь, наверное, и с расстегнутой ширинкой по улицам фланировать, сочтут за экстравагантного миллионера. Но я не люблю босиком, мне дай волю, всю жизнь бы в горнолыжных ботинках рассекал. Так, где тут обувной?...

Следующий всплеск сознания оказался гораздо ярче предыдущего. Если в первый раз я очнулся просто невменяемым, а во второй был все-таки здорово ушиблен, то сейчас я чувствовал себя приблизительно на четыреста граммов крепкого. То есть сильно пьяным, но никак не сумасшедшим. Мягко расслабленным и на своем месте. Место являло собой уличное кафе, где столики размещались прямо на мостовой, отгороженные легким барьерчиком. Я сидел, развываясь, в пластиковом кресле и боролся с желанием пойти за сигаретами. Трезвый я не курю, да нам и не положено, но вот когда выпью – обожаю это дело.

Оглядываться было страшновато, но пришлось. Табуретки мои драгоценные обнаружались неподалеку, рядом с сервировочным шкафчиком. На ногах ощущалось что-то мягкое, но прочное, надежное, какие-нибудь новомодные мокасины. А вокруг смутно угадывались знакомые лица. Наши. Русские «челленджеры». Я огляделся снова, на этот раз намного увереннее. Было очень тепло – какое, на фиг, закрытие сезона, больше похоже на альпийские тренировочные сборы, – но мне уже надоело удивляться. Ребята вокруг оживленно беседовали. То, что я пребываю в совершенно зоологическом состоянии, их никак не трогало. Это слегка обнадежило – значит, при беглом поверхностном осмотре у меня все в порядке. Что ж, тогда не будем форсировать события. Посидим, оглядимся, покурим, а там посмотрим.

А может, это глюки у меня были? И на самом деле пребывал я здесь, за столом, в полном ферфлюхтере, то есть отрубле. Сначала просто спал – кстати, нужно будет обсудить с Генкой этот сон про катание по воде, – а потом радостно галлюцинировал. Бывает. Но какой же, извините, дряни я накушался? И кто мне ее подсунул? Вычислю, кто – удавлю паразита.

А сон был интересный. В общем-то я и без психолога могу разобраться в его знаковой системе. Катание по воде... Момент преодоления. И заслуженная награда потом. Так, а что же я такое, собственно говоря, преодолел? Сделал золотой дубль? Не то. Не было там никакого чрезмерного напряжения. Само вышло. Просто удачно карта легла, особенно Боян подыграл с этим своим падением. Классический поворот «оверкант», коронный номер самоуверенного чайника. О собственную лыжу споткнулся. Нет, хоть убей, не помню ничего особенного в ближайшем прошлом, что могло бы инспирировать этот сон. А если он, что называется, вещий? Может же быть такое в принципе... Во всяком случае, Генка это не отрицает. Носятся в воздухе сгустки информации, и остро восприимчивые натуры, вроде меня, их отлавливают. Но тогда получается, что ничего хорошего впереди не ждет. И чтобы произошло то блаженное воссоединение, которое мне приснилось, нам с Кристи придется основательно упереться. Во что? Какие такие преграды у нас на пути? Да никаких. Пусть хоть война с Францией. Эмигрируем в какую-нибудь Новую Зеландию, и все дела.

Курить хотелось дальше некуда. Ребята оживленно болтали между собой и меня по-прежнему не замечали. Я встал, пошатнулся, но быстро поймал равновесие, и тут же всей стопой прочувствовал новую обувь, буквально каждый миллиметр. Нет, уважаемые коллеги, не опустился я до ультрамодных мокасин, фигушки. Конечно, не так удобно, как «Росси-ньоль-Про», но все же совсем недурно. А стоит небось... В который раз пришлось опустить глаза и посмотреть на ноги. Действительно, стоит определенной суммы. Короткие остроносые сапожки из темно-синей замши, мой любимый фасон. Ну-ка, чуть шевельнем нашим золотым голеностопом, застрахованным на пятьсот тысяч «юриков» от потери трудоспособности... Судя по колодке, сапоги явно итальянские. Лень снимать, чтобы разобраться, угадал я фирму или нет. Успеется.

Я подошел к загородке, шагнул через нее и оказался на улице – хотя какая улица, мы и так на ней сидим. И остоленел. Навстречу мне, сияя, как рождественская елка, топал по осевой линии Илюха. Сначала я не понял, что с ним такое – он весь переливался и сверкал. Приглядевшись, я увидел, в чем дело. Наш главный хохмач и «вечный третий» русского жесткого слалома был облачен в наимоднейший вечерний туалет, и с каждой из многочисленных деталей костюма свисала бирка, украшенная огромным радужным логотипом ЮденOFF.

На почтительном расстоянии за Илюхой крался розовощекий юноша с сантиметром на шее – приказчик. Увидев, что к Илюхе подхожу я, приказчик мгновенно затормозил и уткнулся в витрину ювелирной лавки. Молодец. Ценю профессионалов. Другой бы на его месте бросился и меня окучивать, но этот, хотя и молод, четко знает, что парень в джинсах от Манчини не оденется в ЮденOFF даже задарма. И даже в классический смокинг. Да какой там смокинг, я у него и трусы-то не куплю. Хотя шьет мужик толково, но все равно это

одежда русских нуворишей. Впрочем, подобные тонкости Илье не по зубам, а костюмчик ему и на самом деле к лицу.

Правда, не исключено, что приказчик элементарно напуган. Меня сейчас знает в лицо вся планета. Мало ли, какого выкрутаса могут ждать в провинциальном Китсбюэле от сильно пьяного молодого русского, который недавно хапнул одним махом полмиллиона. Вдруг бросится на товарище по команде тельняшки рвать? Между прочим, на самом-то деле сильно пьяный молодой русский заработал почти вчетверо больше, я ведь пристроил через подставных лиц всю свободную наличность на наш с Машкой дубль. Мы не были в фаворе, все считали, что наш сезон – будущий, а в этом победят чехи, так что коэффициент выигрыша оказался что надо. И тут мне Боян подыграл. Не забыть ему коньку поставить. Ящик «Курвуазье». А то еще обидится.

«Салю, вьё! – орет мне Илюха на всю улицу. – Коман са ва?» Я беру его за рукав и медленно поворачиваю из стороны в сторону. Он не сопротивляется, наоборот, знает, с кем имеет дело. Ко мне и шел, судя по всему. «Са ва бьен. Ну-ка, издали посмотрим... А ничего. Хорошо шьет Юденофф». Илья улыбается просто до ушей. Приказчик мучительно сдерживает радостные повизгивания. Впрочем, лицо его, за которым я слежу боковым зрением, резко мрачнеет, когда я распахиваю пиджак и начинаю придирчиво изучать подкладку. Значит, что-то не в порядке. Как обычно. Аж зло берет – ничего мои соотечественники не могут нормально доделать до конца. Слишком талантливая нация, черт бы ее побрал, чтобы обращать внимание на мелочи... Тут уже Илюха не выдерживает. «Да ладно, Поль, не надо так строго. Могу я, трам-тарарам, взять и поддержать трудовой копеейкой русскую прет-а-порте?» Можешь-то ты можешь, только вот не хочу я, чтобы эта самая прет-а-порте нагнала в ущерб качеству. «Так что, берем?» – «Пожалуй. Только я бы на твоём месте выпустил чуть-чуть рукава. Буквально на пять миллиметров. И будет самое оно». Приказчик по-русски не понимает, но в витрине целая система зеркал, поэтому ему отлично видны наши жесты и выражение лиц. Он расцветает на глазах. А Илюха, тот просто фонтанирует. «Спасибо, Поль. Век не забуду. Ты сам-то куда намылился?» – «Да вот, на угол, в табачку. Хочу приличную сигару». – «И мне! Сейчас вернусь, учиню банкет. Конец сезона уже отметили, твое золото обмыли, теперь пропишем мою обновку». Он убегает, приказчик мгновенно прибирается к ноге и забавно семенит рядом, кивая, словно заведенный. Илюха показывает на рукава – внял моему совету, умница.

Я бреду на угол. С каждым шагом мне легче, легче, легче... Значит, это мы так весело закрыли сезон. Что аж на улице потеплело. Хочется надеяться, без жертв и разрушений – не как в прошлый раз. Ну правильно, наш с Машкой золотой дубль пришелся на последний этап розыгрыша. Закрытие само по себе большой праздник, а уж «трижды двадцать» – вполне уважительный повод радикально улучшить погоду. Кстати, где моя боевая подруга? А, неважно. Будем надеяться, что пока меня глючило, я не успел ее обидеть ни словом, ни действием. А к обиде бездействием Машке не привыкать.

Выхожу из табачной лавки, сую в один карман пачку «Голуаз» на черный день, в другой – упаковку голландских сигар «Даннеман». И нос к носу сталкиваюсь с Кристи. Она с ног до головы охватывает меня одним взглядом, все тут же понимает насчет моего состояния, подходит вплотную, прижимается – как в том сне, ей-Богу, – а теперь поцелуемся... Буднично так, будто час назад расстались, но с чувством. Просто для заправки. Главное и самое интересное еще впереди. «Крис, ангел мой, я так скучал...» – «Я тоже. Здравствуй, любимый». Здравствуйте, мадемуазель Кристин Килли. Она смотрит на меня снизу вверх все понимающими глазами и улыбается. «Я сезон закрыл» – говорю. «Ага, вижу. Пойдем?» Конечно пойдем. Куда скажешь, туда и пойдем, родная. Ты, главное, скажи. Надо же – вот она, моя Кристи, собственной персоной и в натуральную величину. Правда, величина небольшая, Машке на один укус, но зато фигура – как у той рыжей девицы, которая в раковине стоит.

В смысле – на картине Боттичелли. Волосы у Кристи черные, прямые, до плеч, чуть подвитые на концах, личико из категории хитрых смазливых мордашек, только попородистее, со смыслом. Когда она задумается о чем-нибудь, ее лицо становится донельзя одухотворенным, иногда настолько, что хочется залезть в каталог хорошей картинной галереи и посмотреть – не оттуда ли. А еще говорят, француженки сплошь некрасивые. Как в таких случаях многозначительно заявляет Илюха, «Это вам только так кажется». Он умеет произносить эту дебильную по сути фразу с неповторимой мрачной угрозой в голосе.

Честно говоря, мне не интересно, какие из себя француженки. У меня есть Кристи, все остальные ее землячки – свободны. Можете верить их алгеброй, раскладывать по полочкам или по коечкам, это как вам нравится. Я свое урвал. Не завоевал, не заполучил, а именно урвал. Дело в том, что мы с Крис буквально с первого взгляда прониклись друг к другу необъяснимой симпатией, не имеющей ничего общего ни с зовом пола, ни с крепкой дружбой. Я бы назвал это «родством душ». Ласковые улыбки, милая болтовня, но все с каким-то подтекстом, расшифровать который совершенно невозможно. Как говорится – неумолимо потянуло друг к другу. Вот, дотянулись.

Она берет меня за руку и ведет. Из-за угла выскакивает Илюха, выпучивает глаза, я сую ему в руки сигары. Он что-то галантное бормочет на своем чудовищном французском в адрес Крис и чуть ей в пояс не кланяется. Учтивая Кристи по-английски обещает ему меня потом вернуть. Илья радостно блеет что-то типа «нет-нет, вовсе и не хотелось, даром не надо, забирайте его насовсем, он и так уже все у нас выпил». Я краем сознания припоминаю, что нужно будет, однако, выяснить, какой отравой меня угостили, и кому по этому поводу устроить выволочку. Очень тихую и незаметную, чтобы тренер не пронюхал. Он за галлюциногены обоих лыжей забьет – и того, кто давал, и того, кто принял. В Димона, помнится, за один-единственный косяк так ботинком засандалил, что откачивать пришлось.

«У вас планы не переменились, вы уезжаете третьего?» – спрашивает Крис. Я задумываюсь о том, какое сейчас число, и понимаю, что это не имеет значения. «Я уеду, когда уедешь ты. И если захочешь, мы поедем вместе. Туда, куда ты скажешь». Крис вся подбирается, и я знаю цену этому напряжению – она ждала таких слов несколько лет, но, кажется, не особенно надеялась их однажды услышать. «Кристи, ангел мой, давай на минуточку остановимся». – «Конечно, Поль». В глаза не смотрит, прячет лицо. Маленькая... Трогательно маленькая, всего сто семьдесят. И худенькая, легкая. Конституция, мягко говоря, совсем не горнолыжная. Ни золота, ни даже бронзы на серьезных трассах ей не взять никогда, это Крис знает отлично. Техника у девочки филигранная, но одной лишь техникой золото не берут. Кристин просто физически не может так отчаянно по-мужски, на голой атлетике «ломать склон», как это делает Машка, которая на десять сантиметров выше, гораздо тяжелее, а сильнее, небось, вдвое. И конечно в сто раз отчаяннее. Поэтому на стандартном Кубке у бедной Крис шансов немного, а к нам, в формулу «Ски Челлендж», где делаются по-настоящему большие деньги и добывается оглушительная слава, ей путь вообще был закрыт с самого начала. И слава Богу. Нечего ей делать в нашем безумном конкуре, где ты сам себе и лошадь, и жокей (а все-таки, какого черта Боян упал, да еще так по-дурацки? неужели...). Зря она вообще пошла в спорт. Хотя когда тебя поставили на лыжи, едва ты начал говорить, другого пути и не мыслишь. И то, что Кристи в свободное время балуется спортивной журналистикой, очень хорошо. Я слежу за ее работой и знаю, что из девочки получится толковый комментатор. Не такой блестящий, каким буду я, но все-таки очень приличный. И это замечательно.

У Машки волосы тоже черные, и тоже до плеч, только от природы кудрявые. Ростом почти с меня, сложение атлетическое, при этом фигура вполне женская, не перекачанная, все как надо, хоть ты лепи с нее женщину с веслом. Или, если очень хочется, с лыжей. Очень приятное открытое лицо, все находят его красивым, даже я. Но вот не то, совсем не то. Черт побери, да что же я их все время сравниваю?! Наверное, мне просто нужна точка отсчета,

чтобы лишний раз увериться в своей абсолютной правоте, в том, что выбор сделан верно. Тогда простительно.

«Послушай, Кристи, давай трезво взглянем на вещи...» Смеется. Милая. «Погоди, Крис, я еще не настолько плох. Слушай. Ты заканчиваешь кататься года через два». Кивнула. «А мне уже сейчас нужно что-то решать. В слаломе я добился максимума. Значит, если по-прежнему работать в команде, путей только два – либо в „Даунхилл Челлендж“...» Крис невольно вздрагивает, она боится за меня. Умница. Я тоже. Скоростной спуск по нашей экстремальной формуле – это вам не классические гонки с раздельным стартом. Недаром мы обзываем эту дисциплину простым емким словом «даун». В «Ди Челлендж» убиваются запросто, пачками. «Вот именно, милая. Тогда что – подвизаться в младших тренерах, пока наш старик не отойдет от дел? Не худший вариант, но команда связывает по рукам и ногам, тебе это отлично известно. Мы не сможем подолгу быть вместе, все останется так, как сейчас». Опять кивает. Я прислонился спиной к фонарному столбу, мне так легче, физически я все еще пьян в зюзю, хотя голова довольно ясная. «Но выход есть, – продолжаю. – У меня лежат черновики контрактов с тремя российскими телекомпаниями и Си-Эн-Эн-Спорт. Они еще не знают, что я решил зачехлить лыжи, но уже за меня потихоньку грызутся. Нужно использовать этот момент, пока я, извини за пафос, в зените славы. Репортерские деньги совсем не те, к которым я привык, но все же приличная кормушка на много лет. И главное – свобода. Такая, какой я раньше и не знал. Я ведь смогу ездить вслед за тобой по всему свету и на каждом этапе Кубка быть рядом. Мы сможем все, понимаешь?»

Крис смотрит на меня и часто моргает. Конечно, ей все понятно. Нам при таком раскладе будет самый резон пожениться. До сих пор любовь была отдельно, а пироги отдельно, ведь с нашими тренировочными сборами и выступлениями в разных формулах – какая тут, к чертовой матери, семья? Дай Бог раз в месяц, образно говоря, э-э... за руки подержаться. Мы и не обсуждали никаких перспектив, все-таки оба взрослые люди и реалисты. А вот если я пошлю на фиг этот распроклятый спорт... В котором увяз по уши, потому что угодил в элитную формулу, чтоб ей ни дна, ни крыши! И это Кристи тоже понимает. Род занятий у меня просто-таки на морде оттиснут. Разве что нет стартового номера. Но его с успехом заменяют любимые шмотки. Достаточно взглянуть на мои джинсы, а теперь еще и сапоги – сразу видно, что за фрукт. Парень вкалывает, как маленькая куколка, но за это ему обламывается жирный кусок. Только псих из формулы «Челлендж» отвалит две тысячи за ковбойские штаны с пятью заклепками. Позволь любому моему одногодку, не нюхавшему снежного пороху, заработать те же деньги где-нибудь на бирже или в рекламном бизнесе, да где угодно, только не на трассе – он за тот же двушник купит отличный костюм. Потому что он не псих. Но он и не может выкамаривать на лыжах то, что умею я. И такое распределение жизненных ролей, наверное, справедливо.

«Слушай, Поль, – говорит Крис тихонько, вплядываясь мне в глаза. – Только не обижайся, но... Ты уверен, что именно это тебе нужно? Я хочу сказать – именно так? Ведь один сезон без тренировок, и ты уже не сможешь вернуться. Может, подождем немного? Ты еще прекрасно откатаешь в „Ски Челлендж“. Ты же профессионал, зачем себя губить в самом расцвете? Столько лет, столько здоровья мы кладем на то, чтобы выбиться в люди... Я понимаю, второй золотой дубль вещь нереальная, но одиночное золото еще долго будет твое». Милая Крис... Я мягко улыбаюсь. «Ты не знаешь всего, солнышко. У меня больше не будет золота в слаломе. С будущего сезона все золото в „Челлендж“ соберет Боян Влачек. Хотя он мог бы и с прошедшего начать. Откровенно говоря, я не уверен, что Боян просто так упал, по глупости. И не буду уверен, пока с ним не поговорю тет-а-тет. В общем, лучше мне уйти непобежденным. Это и для бизнеса хорошо, я ведь стану легендой, почти как твой дедушка Жан-Клод. Надоест журналистика – буду приторговывать инвентарем, связи есть... Ой, неважно это все. Главное – уходить нужно прямо сейчас. Иначе меня это болото засосет.

А я не хочу. Я хочу быть с тобой. Всегда». И по глазам ее вижу – поверила. Даже с учетом скидки на мой пьяный вид. Или наоборот, ведь что у трезвого в голове... Короче говоря, поверила в искренность моих слов. Решение-то действительно непростое, я ведь еще года три могу ого-го как... Если, конечно, не принимать в расчет друга Бояна и дышащих ему в затылок молодых штатников и австрияков, коим несть числа. Так что выбор мой – единственно верный. Я на самом деле хочу и могу зачехлить лыжи. Почему нет? Забрал суперприз – уходи! Ох, подозрительно легко я его забрал... С Бояном придется очень серьезно поговорить. Если он по заказу упал, тогда я ни при чем, у меня своя игра, у него своя. Но вот если это он лично мне решил по старой дружбе подарочек устроить такой ценой, что нога чуть винтом не пошла, тогда я... Не знаю, что сделаю. Возьму кувалду и так его любимый «Порш» измордую, что в металлолом не примут.

А может, он действительно скорость не рассчитал?

На этом мой поток сознания обрывается, потому что Крис прижимается ко мне крепко-крепко и говорит: «Поль, мой единственный, я понятия не имею, как дальше сложится наша жизнь, но если я могу быть с кем-то счастливой, то это только с тобой. Я тебя люблю. Я знаешь, о чем мечтаю весь последний год? Чтобы мы могли жить по-человечески, как все нормальные люди, вместе...» И дальше неразборчиво, ведь голос у нее звенит, как струна, она же всю себя вложила в эти слова. А я смотрю на часы и говорю: «Родная, если ты не против... Я в этих формальностях не разбираюсь, у нас, кажется, вероисповедание разное, и все такое, но если мэрия в столь поздний час еще функционирует, то брачное свидетельство нам выдадут сегодня же. И праздник выйдет дай Бог каждому, одна из сильнейших команд в истории горнолыжного спорта будет нас по всему городу на руках носить. Собственно, я что имею в виду... Мадемуазель, вот моя рука, а вот и сердце. Выходите за меня замуж».

Она улыбается и говорит почти шепотом: «Я согласна». Так просто и естественно, что всем нутром чувствую – это от души. «Только знаешь, – говорит, – все-таки не сегодня. Во-первых, ребята пусть хоть немного проспят, они же на ногах не стоят, а во-вторых, мы уже пришли, вот дверь, я тут квартиру сняла, как раз ужин должен разогреться, тебе ведь позже нельзя, у тебя режим». Я в ответ замечаю, что какой теперь режим, нет у меня больше режима, на фиг он мне не нужен, я же из спорта ухожу. А Кристи начинает-таки плакать, карабкается ко мне на шею и бормочет: «Господи, неужели это все на самом деле? Поль, у меня такое ощущение, что это сон, в жизни так не бывает, чтобы такое счастье, Поль, я люблю тебя, Поль, милый, единственный...» А я, очень гордый и немного растерянный, потому что наконец-то сжег все мосты, и впереди настоящая жизнь, а не беготня за деньгами наперегонки с компрессионной травмой позвоночника, к тому же почти совсем уже трезвый, говорю: «Нет, любовь моя, ты не спишь. Мы сделали это. Понимаешь? Мы сделали это!!! Круг почета, Кристи! Все сбылось».

И вот тут-то я проснулся по-настоящему.

Глава 1

Я лежал в постели, глядя в потолок. Не то, чтобы громом пораженный или еще как-нибудь ушибленный, но, признаться, малость не в себе. Первое, что подсказала интуиция – заново прокрутить сон в голове, что называется, по горячим следам, пока ничего не забыл. Чем я и занялся немедленно, старательно отделяя слой от слоя и фиксируя подробности. Сон при ближайшем трезвом рассмотрении показался мне еще поразительнее, чем во сне (ничего каламбур?), даже возникло желание присесть к компьютеру и по-быстрому все записать. Впрочем, я сразу вычислил, что фантазмагория потянет страниц на двадцать, а это с моим темпом часа три уродоваться. Кстати, о часах... За шторами угадывалось нечто похожее на утро, причем уже не раннее. А в квартире имело место бодрое шевеление. Ладно, скажем моему подсознанию большое спасибо хоть за то, что не запугало меня до потери ориентации в пространстве. Окончательно проснувшись, я легко сообразил не только кто я такой, но и где нахожусь. И даже вспомнил, куда через сутки отправлюсь. К очередной, трам-тарарам, горе. Эх, гора, шла бы ты к Магомету... Ничего в жизни толком не видел, кроме склонов. Да, мой дом там, где снег, но кажется, я немного от всего этого устал. Ничего удивительного, психика «челленджера» быстро изнашивается, работа такая.

Парадоксально, но я не очень люблю горы. Скорее даже вообще не люблю. Они меня нервируют тем, что такие большие и твердые. В принципе это естественно – я встал на лыжи в Подмосковье и привык, будучи наверху, видеть ровную поверхность вокруг и обрыв под ногами, а оказавшись внизу, обнаружить над собой просто склон здорового оврага, ничем не примечательный земляной бугор. И когда передо мной впервые обрисовался Чегет – мама!... Вроде бы ничего такого страшного над головой не нависает, довольно пологие и безопасные склоны, а вот не мой размерчик, и все тут. Хоть ты внизу, хоть наверху трассы – обязательно что-то еще выше торчит. Каменное, жесткое, внушительное. И можешь вскарабкаться хоть до самого пика, все равно это больше, чем ты. По моему скудному разумению никакой альпинист, даже трижды «Снежный барс», ни одной горы по-настоящему не покорил. Как они это говорят небрежно – «сделал». А вот фигушки. Это гора тебя «сделала», приворожила, заставляя лезть на себя еще и еще, каждый раз по все более сложному пути. Достаточно лишь раз поддаться очарованию гор, осознать, какая это поистине чудовищная мощь и величественная красота – и конец, ты погиб. Недаром один пожилой мастер сказал мне, что мечтает умереть на маршруте. Есть что-то извращенно-сексуальное в этих взаимоотношениях горы и альпиниста. Нет, ребята, я уж лучше буду съезжать потихонечку. И каждый раз подсознательно верить, что попираю скользкой поверхностью не гигантскую злую каменюку, а мирную плодородную землю, как в родном Туристе. Конечно странный я тип. Ненормальный слегка. Вон, сны какие вижу...

Кстати, о сновидениях и их толковании. Уж если я намерен и дальше нарушать режим, валяясь допоздна в постели, так хоть совмещу приятное с полезным. Что-то меня в этом сне насторожило. И кажется, я уже понимаю, что именно. В том, как интересно там повернулись наши отношения с Крис – это мне, пожалуй, самому не разобраться. Это мы обрушим на голову нашему штатному брэйнфакеру, сиречь психологу Генке. Авось разгадает. По идее, сон в руку, под конец сезона что-то придется всерьез решать, дальше так нельзя. И Крис, и я, оба мы хотим большего, нежели затянувшийся до неприличия роман. Хотим друг от друга, только вот гора проклятая не отпускает. И фактически я во сне проиграл сюжет того, как именно сильные духом молодые люди поступают в такой ситуации. Допустим. Логично. И симпатично. Молодец, весьма достойно повел себя. Но как прикажете интерпретировать весь предшествующий сумбур? Одна толчея на финишной площадке чего стоит. Не бывает такого, просто не может быть. В нормальных лыжах площадка вообще чистая – приехал

очередной спортсмен, минутку покрасовался, надписями на лыжах посветил, и ушел за бортик, освобождая следующему место для разворота. В «Челлендж», где ради зрелищности на многое закрывают глаза – и на технику безопасности в том числе, – выделяют небольшую зону для возможных призеров. Чтоб удобнее было снимать, как они все скопом нервничают и потеют. Но микрофоны к нам все равно тянут из-за бортика, и до самого конца никого лишнего на площадке не будет. Неровен час, промажет финиширующий, и пару-тройку репортеров красиво искалечит. А в «Ски Челлендж» живых людей переезжать лыжами не положено, для этого «Ди Челлендж» есть.

Впрочем, это все цветочки. Технических несуразностей в любом сне хватает с избытком, на то и сон. Илюха, например, постоянно ночами летает, обгоняя аэробусы и корча рожи их обалдевающим пассажирам. Выходит, ему и разреженный воздух нипочем, и перья у него из крыльев не сыпятся на околосвуковых скоростях. Если бы он с горы съезжал, как летает, давно был бы миллионером. А так – просто счастливый человек, которому ничто не мешает жить. Не то, что некоторым. Мне, например. Ведь размечталось мое подсознание драгоценное, раскатало губищу дальше некуда! Сплошное вранье, картинки с выставки, а не сон. Ну-с, займемся самоуничижением.

Во-первых. Заткнуть фанфары, овации прекратить. Да, стояли мы с Машкой у бортика на ватных ногах, потные и взъерошенные, нервно толкаясь локтями, причем не раз. Кстати, и букмекеров у меня на глазах выносили, не без этого. Но с таким же успехом на том же месте стоял Димон, и даже Илюха однажды стоял, от натуги чуть не помер. И вместо Машки бывала Ленка, и ничем особо героическим наши топтушки не увенчались – не брали русские золота. Пока что. Да, предположим, в этом сезоне рубиться за первое место намерены действительно мы с Бояном. В чем, правда, активно сомневаются тренеры, а менеджеры помалкивают, но я их вижу насквозь. Хорошо. Главная загвоздка в другом. С какой стати такой непомерный пафос? Такое дикое самолюбование? Допустим, многие в «Ски Челлендж» искренне полагают, что наша формула гораздо серьезнее классической. Но только не я. Покажите мне хоть одного нашего, кто привез бы золото на этапе Кубка Мира. Увы. Да большинство вообще не выступало в Кубке никогда! Ни-ког-да! Кстати, и я в том числе, вся бредятина насчет каких-то там моих третьих мест – фокусы обиженного подсознания, и ничего больше. Вот так и узнаешь, чего тебе на самом деле хочется... Перехочется. Забегите свиное рыло и валите из калашного ряда, молодой человек. Потенциальные «челленджеры» отсеиваются как правило уже в рамках национальных юниорских первенств. Мы не то, чтобы какие-нибудь там отбросы тренировочного процесса, нет. Мы просто совсем другие. Вот, к примеру, моя Крис, у которой были серьезные взлеты в классической формуле. По самой простенькой трассе «Челлендж» она проедет в лучшем случае где-нибудь во втором десятке. Без малейших перспектив роста. И здоровья ей не хватит, и ногу побоится на склоне оставить. Реально. Общеизвестно. Как я сейчас понимаю, тренеры даже нарочно культивируют в нас такую уверенность, чтобы самооценка не падала. Хотя на самом-то деле...

А что на самом деле – это уже «во-вторых». Горные лыжи всегда были чертовски популярным зимним видом. Зрелищное, яркое, недешевое, пижонское занятие, к тому же весьма травмоопасное. Но в один прекрасный день выяснилось, что внимание аудитории потихоньку оттягивается на фристайл, акробатический сноубординг и всякие экстремальные выкрутасы. Нет, кататься-то и съезжать горнолыжники-любители отнюдь не перестали, наоборот, число их росло год от года. А вот наблюдать за профессиональными соревнованиями в старой доброй классической формуле – увы. Потому что разрыв между золотом и серебром в классике сократился до сотых. А значит – пропал элемент шоу. Там оказалось совершенно не на что больше смотреть. Разве что таращиться на склон в надежде, что кто-нибудь красиво упадет. Но опытные спортсмены падают редко... И ставки делать народ не желал. Ведь классические горные лыжи – это вам не гонки F1. Факторов, определяющих

фаворита, примерно столько же. Но в F1 они, как правило, на виду – вон пимпочку какую-то новую к машине присобачили, вот пупочку, наоборот, отвинтили, а этот мотор трижды горел, поэтому черта с два он нормально поедет, и так далее, и тому подобное. Любой мало-мальски толковый мужик, умеющий водить машину с ручной коробкой, может худо-бедно прогнозировать результат. В горных лыжах такой номер не пройдет. Нужно очень, очень, очень глубоко вникать в тонкости. При том, что даже о наличии большинства этих самых тонкостей информированы немногие. И все равно, будь ты хоть профессор горных лыж – не зная, какую именно мазь наколдовали тренеры к очередному заезду, рискуешь оказаться дурачиной и простофилей, отпустившим золотую рыбку.

Первыми неладное почуяли медиа-корпорации. Потом спонсоры – упала отдача от рекламы. Положение нужно было как-то спасать: прямо на глазах самопроизвольно рушился громадный сегмент рынка, казавшийся до этого незыблемо стабильным. Вернуть потребителей к экранам могло только что-то свеженькое и с перцем. Некое яркое и опасное шоу, похожее внешне на классические горнолыжные дисциплины, но гораздо более динамичное и злое. Признаться, мне до сих пор страшно интересно – какие такие пляски на снегу могли бы выдумать кровожадные толстопузые менеджеры, не загреми тогда в больницу один ничем не примечательный человек.

Как раз в то время некто Фрэнк Макнамара, второразрядный американский лыжник, валяясь в очередной раз на растяжке, призадумался, как дальше жить. Поломанный Маркер в аналогичной ситуации выдумал свой гениальный крепеж. Украл таким образом возможность обессмертить свое имя у всех, кто сломался позже, несмотря на маркеры. В палате ведь мысли невольно обращаются к безопасным креплениям. Посмотришь на гипс, и давай выдумывать. Только выдумал, тут вспомнил – мать честная, они ведь и так уже есть! Капитально поломанный Илюха, как ни тужился, ничего умнее безопасных горных лыж не придумал. Оказалось, что это лыжи, которые стоят у печки. И желательно – цепями к ней, цепями прикованы... Так вот, в отличие от Маркера – и тем более от Илюхи, – у Макнамары имелся дядюшка, владелец задрипанной букмекерской конторы. Пришел он навестить племянника, и слово за слово возник разговор – почему больше не принимаются ставки на горнолыжные соревнования. «Так никто и не ставит», – усмехнулся дядя. – «Сам знаю, что не ставит. Ты мне объясни – почему?» Дядюшка ответил разумно и четко: крошечный разрыв между результатами, трудно предугадать раскладку мест. Очень мало заметных глазу внешних факторов. Фрэнк резонно поинтересовался, что же нужно сделать, чтобы горные лыжи возбуждали в зрителе азарт. Тут дядюшка ответил еще конкретнее. Возьми трассу, на которой лыжник не ломится сквозь частокол, а красиво и опасно съезжает. Нечто среднее между обычной слаломной и трассой слалома-гиганта. И сделай ее такой, чтобы до конца съехало из ста участников не девяносто девять, а, скажем, пятьдесят. «А куда остальные денутся?» – спросил обалдевший Фрэнк. «Да хоть сюда, – небрежно ответил дядя, ласково хлопая племянника по гипсу. – И еще, Фрэнки, подумай... Я люблю бордеркросс² – зрелищно и щекочет нервы. А ты представь, что это будет за шоу, если нечто подобное учинить на горных лыжах! Например, выгнать пять-шесть человек разом на трассу скоростного спуска... Нет, лучше целую дюжину!» Тут Макнамара, по собственному признанию, слегка от дядюшкиной кровожадности устал и вежливо попросил родственника ту фак офф энд гет аут. Но к вечеру у Фрэнка начало яростно чесаться под гипсом, отчего он впал в мизантропию и до мельчайших деталей продумал два лихих мероприятия. Изобрел две абсолютно сумасшедших дисциплины. «Ски Челлендж» – экстремальный полугигант, где доезжает до финиша, конечно,

² Бордеркросс – экстремальная дисциплина в сноубординге. На достаточно скоростную и насыщенную препятствиями трассу выходят сразу четверо «досочников». Разрешена контактная борьба – толчки руками, захваты и т.п. Из четверки двое, показавших лучшее время, проходят в следующий круг соревнований. Б. считается наиболее зрелищным видом сноубординга, призовые фонды современных бордеркросс-туров достигают полумиллиона долларов (по состоянию на 1999 г).

не каждый второй лыжник, а все-таки два из трех, хотя с трудом. И «Даунхилл Челлендж» – вот уж действительно полный даун, – скоростной спуск с общим стартом (видели автогонки на выживание? очень похоже). Так и живем с тех пор. Нормальные лыжники соревнуются за деньги, славу и адреналин, а мы – за деньги с нехорошим душком, нездоровую славу психически больных и вагоны адреналина. Точнее, наверное, цистерны. И все потому, что нас в нормальные лыжники не берут. Мы как на подбор – крепкие, отважные и выносливые. Качества сии у нас представлены в количестве гораздо большем, нежели требуется лыжнику классической формулы. Но увы, за счет той самой филигранности, которая позволяет на каждом флаге отыгрывать тысячные.

Конечно, мы им завидуем. Вот судьба! Мой друг по песочнице, Игорь с десятого этажа, «чемпион по прыжкам в канаву», как он себя называет, никогда даже не мечтал о болиде F1. Парень хороший раллист, это его призвание, он жизнь положил, чтобы научиться грамотно водить WRC³, и на формульной трассе ему искать нечего кроме позора. Две стихии внешне схожих, но по сути полярных. Как «Субару» и «Феррари». Спрашивается, о какой зависти тут может идти речь? А лыжники все-таки не машины и даже не автогонщики. И временами предаются несбыточным мечтаниям. Помню, в прошлом году подвалил к нам чемпион мира Стив Малкович. Мы как раз в Шамони откатались, хмурое утро, трасса распахана как форменный танкодром⁴, обслуга готовится ее зализовать и флаги переставлять для этапа Кубка. Все «челленджеры» уже разъехали, только мы в себя приходим, и чехи. Тут к нам в гостиницу Стив является, на плече чехол. «Здравствуйте, коллеги, – говорит. – Не прогуляетесь со мной до вашего склона? Что-то мне в голову вступило, хочу разок съехать. А вы, будьте добры, объясните, как это по всем правилам делается». – «Вы что, – спрашиваем, – от тренера сбежали?» – «Угу, – кивает. – Проболтаетесь – из могилы достану. Ну помогите Христа ради, что вам, жалко? Когда мне еще такой случай представится?!» Дали мы ему легенду, проводили на склон, внутренне хихикаем – надо же как мужика разобрало! Если узнает его тренер, скандал будет на всю Европу. А не дай Бог еще кувырнется чемпион... Это у меня меня, самоубийцы, голеностоп на пятьсот тысяч застрахован, а у Стива, наверное, миллионов на десять. Вот будем переоформлять свои полисы, тут-то «Ски Иншурэнс» и припомнит нам, как мы ее на десять «метров» возмещения обрадовали...

Оставили в гостинице молодых, чтобы внимание отвлекали. Конечно, дико их обидели – кто же согласится в засаде сидеть, когда такой бесплатный спектакль! Впрочем кому бесплатный, а Малковичу развлечение в копеечку влетело. Мы ведь за его счет дали на лапу смотрителю, чтобы подъемник запустил и помалкивал. Отдельно бригадиру «топтунов» и водителю ратрака⁵ приплатили за незапланированный перерыв на ланч. Стив размялся, еще

³ WRC (World Rally Car) – класс раллийных автомобилей. Строится на платформе и в кузовах реально существующих моделей. Непременное условие омологации (допуска к соревнованиям) каждой WRC – выпуск ограниченным тиражом коммерческой версии. Спрос на «гражданские» WRC настолько велик, что счет идет на многие тысячи. Характерные WRC, которые встречаются иногда на наших улицах – Subaru Impreza WRC, Mitsubishi Lancer Evolution.

⁴ Явная гипербола. Здесь и ранее, когда говорится, что трасса «распахана», «сильно разбита» и т.п., не следует воспринимать это буквально. Стальные канты горных лыж – хороший плуг, и праздно катающаяся публика за считанные часы нарывает на склонах мощные бугры и глубокие ямы. Но в том и отличие спортивной трассы от обычной горы, что на ней организаторы стараются обеспечить для всех лыжников хотя бы приблизительно схожие условия. Простейший способ – попросту залить склон водой, древнейший инструмент – пожарная машина. Сейчас для поддержания трасс в божеском виде используются более продвинутые технологии, но смысл их тот же. Конечно, выступая в тридцатых-сороковых стартовых номерах, ты уже едешь по откровенной канаве, а шансы на победу у лыжника под номером двести объективно равны нулю. Однако даже ему канава будет отнюдь не по уши, и определение «танкодром» – просто реплика профессионала, учитывающего любые нюансы и для которого малейший бугорок может означать либо выигрыш сотой доли секунды, либо ее потерю.

⁵ Ратрак – многофункциональный горный трактор с очень широкими гусеницами (обычно резинометаллическими), обеспечивающими низкое удельное давление на снег. С равным успехом выступает как транспортная, спасательная, прогулочная машина. Широко используется при «утаптывании» и заглаживании горнолыжных трасс различного назначения. Если вы не совсем понимаете, к чему эти косметические процедуры – см. п. 4. Без надлежащего ухода любой активно используемый склон довольно быстро превращается в упоминавшийся выше танкодром, правда, уже кроме шуток. В горах

раз в легенду заглянул, мы ему места показали, где совсем уж неприличные рытвины образовались. «Ну ладно, я пока без секундомера, для пристрелки. А вы, – „топтунам“ кричит, облепившим трассу с вытаращенными глазами, – увидите кого-нибудь с видео, так сразу бейте ему в морду и картридж ломайте! Судебные издержки за мной!» И пошел вниз. Ох, изящно съехал! Как протанцевал. Однако чувствую – не то что-то. Поднимается чемпион, в глазах неземное сияние. «Вот это да! – говорит. – Очень все разбито, но какой восторг! Попробую слегка наддать». Мы его, понятное дело, отговариваем, но у Стива, похоже, на самом деле в голову вступило. Оказалось, что он впервые за последний год на целых полдня без нянек остался – тренер с менеджером поехали какие-то бумаги подписывать. Ладно, каждый сходит с ума по-своему.

Наддал Малкович. Еще красивее прошел. Опять чувствую – впечатление обманчиво. Как нашего легендарного Жирова тренеры ругали – почему, мол, едешь медленно? А посмотрят на таймер – обалдеть можно, он же на самом деле лучшее время привез! Вот и тут нечто похожее, только с обратным знаком. Но все-таки психую слегка, да и остальные мнутя. А если он попросит секундомер включить? И на ухайдаканной трассе первый результат выдаст?!

Тут как раз Боян Влачек ко мне подходит. Злой как черт, заранее расстроенный. На этой трассе первое время – его. «Знаешь, что сейчас будет?» – «Ну, что?» – «Уделает он нас, вот что. Секундомер попросит и уделает». – «Спорим на десять щелбанов, что нет. Секундомер-то он попросит. Но привезет двадцатое время, страшно обидится и больше никогда не подаст нам руки». Про руку я нарочно придумал – знал, что сразу будет второе пари на те же десять щелбанов насчет подаст или не подаст, и оба выигрыша погасятся. Боян страшно азартный, легко поддается, а я терпеть не могу, когда мне принародно по лбу щелкают.

Так и вышло, Илюху подрядили разбивающим, чуть пальцы нам обоим не переломал. Снова поднялся Стив, по лицу видно – окончательно сбрендил. «Можем секундомер запустить?» Отчего же не можем, на гору уже весь обслуживающий персонал сбежался, вплоть до последнего разносчика конфет. Разве что секьюрити не видно – понятное дело, кто ж им скажет, что чемпион мира угробиться решил... И тренерам вряд ли стукнут. На этот счет у obsługi круговая порука, знают, в каких строгих ошейниках мы живем. Хотя если, допустим, попросить бутылку пива на склон пронести... Сомневаюсь, что получится.

Запустили нам систему. Тоже фактически задарма – выпросили только пару автографов и несколько фотографий с чемпионом в обнимку на фоне стартовой будки. Стив был не против, разве что куртку набросил – фиг докажешь, при каких обстоятельствах его щелкали. «Только не снимайте, как еду». Нет проблем. Стартовую рейку настроили, Малкович уперся, выпрыгнул и улетел. Как он на этот раз прошел – ни в сказке, ни пером. Летит – хоть для учебного пособия снимай. «Как съехать с горы, чтобы твоя девушка, наблюдая, испытала оргазм». Талантливейший мужик. Стоим, пускаем слюни, по-черному завидуем, ждем, чем сердце успокоится. Заодно боимся как бы не поломался – уж очень гонит.

Тридцать второе место он изобразил. В наших рядах полное замешательство. Боян шапку тянет с головы, трясет лохмами, уверяет, что я все нарочно подстроил, но подставляет лоб. Я говорю – не торопись, концерт только начался. А у самого в душе форменный салат оливье из глубокого переживания насчет чемпионской психики, искреннего сожаления, что так получилось, и дикой гордости за наших.

это закончится буграми по поясу, а небольшие подмосковные склоны просто лысеют – лыжники расшвыривают снег в стороны или стаскивают его вниз. «Топтуны» – уже не те топтуны, что раньше (здоровенные дядьки на длинных лыжах). Сейчас это просто бригада общего назначения, которая готовит трассу к соревнованиям и поддерживает ее в нормальном состоянии в процессе оных. А вот до появления ратраков топтуны много и тяжело работали ногами, т.е. натурально топтали снег по всей горе сверху донизу.

Снова Малкович тут как тут. «Ничего, – заявляет, – не понимаю. Я же по вашей канаве ехал! В чем загвоздка?» Точнее, в чем уловка – «What's the catch?» Мы его как могли утешили – мол в канаве все и дело, тут даже Господь Бог время лучше тридцатого не покажет. Стив головой мотает: «И не такие канавы видал. Слалом-гигант на этой самой горе хожу. Вот разноска флагов у вас ненормальная. А ну, еще!»

Ладно, давай еще. Ка-ак он ломанулся! Совсем по-нашему, учел прежние ошибки, пересмотрел тактику. Стоим, переживаем больше прежнего. Двадцать седьмое время. Народ хохочет, сам себе аплодирует. Объехал чемпион Господа, но не более того. Боян лезет за проигранными щелбанами и весь светится. Я отмахиваюсь – погоди.

Появляется Стив, зеленый и пупырчатый от злости, как жаба экзотическая. Без единого слова лезет к стартовой рейке. Тут мы не выдержали, стеной встали. И страшно нам, и обслуга уже извертелась, боится, что начальство прибежит. Малкович кричит – пустите, мелочь пузатая, я уже все понял! Черт с тобой, дуй, раз все понял. Расступились. Стив дунул, чуть не упал пару раз, в финишный створ на заднице въехал. Сорок первым. Илюха говорит: он же теперь скажет, что мы виноваты – с темпа сбили! Еще раз полезет и точно навернется! Боян: ничего подобного. И машет обслуге – ратрак и топтунов на склон! Бояна тут хорошо знают, любят, слушаются мгновенно. Все, накрылась трасса. Кончен бал, погасли свечи. Ждем чемпиона – извиниться хотя бы.

Смотрю, возносится на подъемнике Малкович, ногами болтает, смеется. «Что, – говорит, – мелкие пакостники, испугались – разобьюсь? Я же не то имел в виду, когда сказал, что все понял. До меня дошло, что мне здесь ловить нечего. Извините, если нервишки потрепал. Спасибо большое, теперь знаю, почему на вас ставки делают. Потому что вы психи и герои. У кого тут первое время? У вас, господин Влачек? Крепко жму руку. Восхищен. По завершении сезона всех милости прошу в гости».

Вот так мы и разошлись со щелбанами. А когда Малкович нас позвал остаться посмотреть этап Кубка и потом их трассу походить – вежливо отказались. Даже очень вежливо. Только Илюха не выдержал. «Вы, – говорит, – общепризнанная звезда, вас никакое позорище не сдвинет с пьедестала. Особенно если вы сами в чужой монастырь полезете. Мало ли, какие у чемпионов мира бывают заскоки? А мы ребята подающие надежды, отчего крайне мнительные. Повыдираем ваши флаги с корнем, попадаем, лыжи погнем и от стыда ночами в подушку будем плакать. Нам это надо?»

Стив на минуту задумался, осознал, что это такой витиеватый комплимент, окончательно растаял, сфотографировался с нами – три «Полароида» расщелкали, потому что он непременно каждому хотел на память фото подписать – и ушел к себе нянек дожидаться. Причем несколько групповых снимков за пазухой унес. А на следующий день смотрим – громадное интервью в «Ски Экспресс». С теми самыми фотографиями и кучей дифирамбов в наш адрес. Не вынесла душа поэта. К интервью подверстали колонку – заявление тренера и менеджера, что они когда узнали, где великий Малкович покатался, чуть не поседели в одночасье. Что ж, очень грамотный маркетинговый ход. Я выяснил потом – у Стива после этой публикации моментально продажи выросли на десять процентов. И его самого лично, и всего, что с чемпионом Малковичем хоть как-то связано. Вот какие удивительные вещи творит со спортсменами простое человеческое любопытство. Проистекающее из зависти, той самой черно-белой зависти.

Но все-таки он, сволочь, глядел на нас свысока. И это тоже естественно. Неспроста мое бессознательное вздыхает о том, что я ни разу не выступал на Кубке. Очень хочется дорогому бессознательному стряхнуть с моих неслабых плеч комплекс вины перед мамой-папой. Вины за то, что уродился непутевым и вместо того, чтобы стать звездой большого спорта, блистаю в уродливом шоу наподобие гонок на разбивание машин. Знай мои предки драгоценные, чем все кончится, черта с два бы они ребенка отдали в спортшколу. Но ребенку

нужно было укреплять опорно-двигательный аппарат, и он любил горные лыжи. Забота о моем здоровье пересилила глубокую уверенность, что спортсмены вырастают безмозглыми идиотами. Впрочем, никому и в голову не приходило, что я действительно пойду по этой стезе. Талантом великим мальчик не отличался, а формула «Ски Челлендж», которая для меня оказалась тем, что доктор прописал, тогда еще только набирала обороты. В России о ней даже профессионалы мало знали и относились к жесткому слалому, мягко говоря, прерзительно. Отсюда и русское прозвище «жесткий», хотя на самом деле наша дисциплина официально – *hard slalom*.

Короче говоря, это называется повезло – случись мне полюбить вместо горных лыж классическую музыку, вырос бы хлюпиком и бездарным пианистом.

...Я лежал, смотрел, как за занавесками становится все ярче, и продолжал анализировать сон. Некоторые моменты определенно мне нравились, другие вызывали недоумение, а в целом... У меня бывают удивительные сны. Не часто, примерно раз в месяц – и слава Богу, а то бы давно с ума сошел. Честно говоря, я люблю их смотреть и до какой-то степени научился не теряться там, внутри. Могу, например, усилием воли загнать себя обратно в тот эпизод, который уже вроде бы закончился, но очень хочется развития темы. Могу наоборот, не просыпаясь, выскочить из неприятного сюжета в какой-нибудь другой. А с нынешним сном мухлевать не понадобилось, все эпизоды имели четкое логическое завершение и оставалось только с диким удовольствием и легким ужасом смотреть. И все же, душу глодало беспокойство. Этот сон вполне мог сбыться, причем по всем позициям. Допустим, в большинстве своем они меня устраивали. Если не считать все того же катания по воде – недаром оно меня даже во сне (!) насторожило. И еще первые ощущения, испытанные мной в виртуальном Кице... От них пахло нехорошим пророчеством, особенно когда возник отчетливый знак потерянной растерянности – дурацкое хождение босиком с дебильными табуретками под мышкой. А я не люблю быть потерянным и растерянным. Я в такие моменты слишком управляю. И почему все безмянно? Этот парень молодой, который нашел меня в лифтовом холле – я даже не смог толком запомнить, как он выглядел. И ребята... Да, наши ребята, что выпивали в уличном кафе! Всего лишь абстрактные наши ребята, ни имен, ни физиономий. Недаром Илюха ворвался в сон ярким радужным пятном – я соскучился по знакомому лицу. А если это намек на предстоящее одиночество?!

Слишком много намеков. Слишком много слоев для одного-единственного сна. И нечеткая, размытая, но прущая из всех щелей тревога. Почему именно так? Эта-то ситуация меня и дергала больше всего. Дело в том, что мои сны всегда полны конкретики. А тут какой-то неясный (или чересчур мудрено зашифрованный?) сигнал. Допустим, принял я информацию о надвигающейся беде и перевел ее в визуальный ряд. Но почему, извините, такая форма? Хотя, если подумать – а какая еще? По большому счету, жизнь моя протекает в уютном замкнутом мирке, довольно бедном на новые впечатления. Одни и те же лица, одни и те же города, один и тот же спонсор третий сезон, даже снег везде одинаковый. А то, что со мной собиралось приключиться, вполне могло оказаться чересчур нестандартным и потребовать таких выразительных средств, какими я просто не владел в силу личной культурной ограниченности. Обидно, но факт. Ладно, Поль, не переживай. Вспоминай этот сон почаще, думай о нем – и однажды ты все поймешь. Лишь бы поздно не оказалось...

Мне ведь чего только не снится. Как-то пригрезилось кино, и в нем мы с Крис играли пару контрразведчиков, осматривающих транспортную развязку под Гагаринской площадью на предмет закладки бомбы диверсантом. Сюжет как сюжет, бывает. Двадцать первый – век терроризма, раз в неделю что-нибудь должно рвануть, а коли не рвется, значит, где-то уже взяли заложников... Место действия – тоже ничего особенного, развязка эта мне с раннего детства запала в душу. Никак сообразить не мог, почему, когда ныряешь под землю, видишь один магазин, а когда вынырываешь – другой. История простейшая: ребенок в машине сидит

низко, угол обзора сужен, подголовник мешает обернуться и все понять. Но едва я подрост и разобрался, что к чему – начало сниться это место. Как символ загадки. Так вот, в том самом кино с нами третьим играл такой антикварный голливудский актер, Берт Ланкастер. Почему – не знаю, видел Ланкастера два раза случайно, и фамилию-то запомнил, потому что был такой бомбардировщик. А по фильму моему сонному его героя звали Коркрен. И я, проснувшись, как последний идиот мучился – какого черта он Коркрен? Никогда такого имени не слышал. Ладно, проходит неделя. Дают по «Классике» старый вестерн с таким же раритетом Истом Клинтвудом. Этот хоть познаменитей будет. Я, естественно, сажусь культурно развиваться. И что бы вы думали? Минут пять один из героев распинается в подробностях о том, как именно был застрелен некто Коркрен-Два-Револьвера. Тьфу! Вот и не верь после этого в существование единого информационного поля. Ну, всплеснул руками, принялся рассказывать. Парни на смех подняли. Ты, говорят, слишком много читаешь, а еще больше из прочитанного намертво забыл. Сунулся к Генке. Он меня выслушал и примерно то же ответил – старик, эксперименту недостает чистоты. Вот когда тебе приснится то, не знаю что...

Ну, приснилось. И как мне с этим дальше жить?

А никак. Только быть дважды, трижды внимательным. И все.

О! Вспомнил! Не Ист Клинтвуд, а Клист Интвуд. Или по-другому?... Нет, извините, не бывает таких имен. Это все подлец Илюха, он как на легендарного актера посмотрел, так сразу его и обозвал: «Глист Дриствуд». Попробуй запомни фамилию в эдаких условиях. Хотя на Глиста Дриствуда мужик здорово смахивал. Правда, в столь преклонном возрасте я тоже буду отнюдь не фотомодель. И вообще, актеры мне сегодня не снились. А пригрезилась тревожная история под названием «Те же и Ещё Хуже». История, полностью расшифровать которую мне пока что явно не по уму.

Пришлось закусить губу, чтобы не взвыть от бессильной злобы. Пожалуй, Генке я про этот сон не расскажу. Он мне сразу все на пальцах объяснит, и тогда может забыться что-то главное, очень важное, что я еще не распробовал на вкус или не разглядел толком. Генка хороший человек, но психолог он средненький. Узкий специалист, довольный своим местом в жизни – что с него возьмешь. Снимает ненужные стрессы, заряжает нас на победу, и все дела. Один вот тоже зарядил так... Кого же он зарядил? А! Знаменитого хоккейного вратаря Третьяка. Наверное, полвека назад это было, или лет сорок как минимум – подсунули лучшему вратарю страны блестящую по идее методику и хорошего психолога. Третьяк сначала заиграл еще лучше. Потом совсем хорошо. Потом стал вовсе непробиваем. А кончилось все тем, что он в свою непробиваемость уверовал и вышел на ответственнойшую игру в состоянии бога. Того, что с маленькой буквы, но все равно мощи неопишуемой. И по словам Третьяка, пока четвертая плюха в его ворота не залетела, так и не понял, что он малость не тот бог. Ему шевелиться надо было, а он все пытался шайбы взглядом отводить...

Тут мои размышления прервали – в дверь стукнул папуля. Никогда бы не подумал, что он это умеет. Может, стряслось что? Вчера мы толком не поговорили, я слишком поздно явился.

Оказалось, что ничего особенного не случилось, но во-первых давно пора завтракать, а во-вторых, на мое имя пришла куча мыла. Я спросил, нет ли весточки от Крис, отец моментально надулся и сказал, что не имеет обыкновения лезть в чужую почту, даже листать адреса. Наглое и циничное вранье. Еще как он лезет, а уж адреса смотрит непременно. Просто ему обидно, что ребенок «связался с какой-то нерусской». Папина неприязнь к Крис меня забавляет. По-моему, это отголоски тех времен, когда Россия пыталась закуклиться и послать всю планету на, а папуля вместе с другими молодыми бездельниками ходил швырять тухлые яйца в американское посольство. Так он с тех пор и не вырос толком, хотя пузо отрастил изрядное. Сразу видно – состоятельный мужчина.

Мы немного поболтали насчет его арт-бизнеса, в котором у меня тридцать процентов акций и ни цента дивидендов за последние несколько лет, то есть с самого начала. «Я тут раскручиваю один проект... Успех гарантирован. Будет тебе на кусок хлеба с маслом, когда помру». О, как мне это надоело! Вечная присказка – мол когда загнусь, все тебе останется. Для тебя стараюсь, дорогой сынуля, а ты меня за это слушайся. Тысячу раз я вполне прозрачно намекал, что в гробу видел его наследство, мне гораздо важнее живой отец. Но папуля – хоть ему кол на голове теши. Система кондовая, апгрейду не поддается. Ежегодно раскручивает очередной «проект века», и каждый раз с превеликим трудом выходит по деньгам «в ноль», успев только украсть тыщонку-другую себе на зарплату. Он из тех людей, которым процесс важнее результата. Да и я в этом плане от родителя недалеко ушел, только малость поциничнее, отчего не веду себя так, будто собираюсь жить вечно. И некоторая сумма у меня на черный день отложена, и страховок опять-таки вагон. Кстати... «Па, все хотел узнать – ты коммерческие риски страхуешь?» Папуля сделал значительное лицо и сказал, что все под контролем. Понятненько. Ничего он не боится, дорогое удовольствие. Да и не всякая компания возьмется обслуживать риски по авантюрным художественным проектам. Или потребует бешеный процент. Ладно, мое дело – сторона. Я в культурной жизни родины не понимаю совершенно ничего. До сих пор не могу разобраться – то ли мы по части живописи и прочего впереди планеты всей, то ли наоборот, хуже не придумаешь.

«Какие у тебя перспективы на конец сезона?» – «Нормальные. Боюсь сглазить, но подворачивается реальный шанс сделать наконец-то золото». Про себя думаю – и последний. К тому же не такой реальный, как хотелось бы. Нехорошо думать гадости о друзьях, но будет здорово, если Боян на самом деле упадет. Лишь бы не сломался, я тогда со стыда удавлюсь. «И сколько получишь?» – «Если золото? Двести. Конечно может быть еще дубль, но это химера, сам понимаешь. О дубле все мечтают, только не надеются. Глупо. А потом намечаются показательные выступления в параллельном хард-слаломе, это тоже прилично оплачивается». – «А если все-таки дубль? Кто там у вас, эта Мария, как ее...» Я отрезал, что никак ее, ни так, ни этак, и полез из кровати. Что-то слишком папуля беспокоится о моих деньгах, которых я еще не выиграл. Золотой дубль, господа, это достойная сумма. Ровненько миллион юро на двоих: по триста на нос собственно за результат плюс еще двести каждому – спонсорская премия. Зачем отцу пятьсот тысяч? В чем дело? Может, он заболел чем-нибудь смертельно опасным? Вряд ли, мама сказала бы. «Па, если нужны средства... Могу немного подбросить». Улыбнулся, головой помотал. Но почему-то я ему не особенно поверил.

Хотелось слегка размяться – как всегда, с утра тело просило движения. За последние лет пятнадцать я так себя выдрессировал, что без зарядки мышцы толком не просыпаются. То есть, на самом-то деле одного моего пинка сейчас хватило бы, чтобы отправить в глубокий нокаут любого кикбоксера, но субъективно мне казалось, будто едва дышу. Чисто спортивное похмелье – эндорфиновая наркомания так проявляется. Легкая наркомания, и спрыгнуть с нее не проблема, но по молодости очень засасывает. Вроде бы мышцы стосковались по нагрузке. А на самом деле это мозг дозу требует. Пришлось немного помахать руками и повисеть на турнике. Полегчало. Я умылся, натянул джинсы и футболку и пошел на кухню здороваться с мамой. После завтрака отец, естественно, принялся зазывать меня к себе в офис. Он любит сыном хвастаться. При всяком удобном случае шпыняет и учит жизни, а внутренне – гордится. Никогда в этом не признается вслух, но я-то знаю.

Отказался. Все-таки у меня выходной. Имею право забраться в свою любимую комнату, полазить вволю по старым добрым полкам, битком набитыми любимыми книжками детства. Пройтись, руки в карманы, по родным улицам. Потоптаться у своего детского садика, возле школы повертеться, в которой целых три класса отучился. Мне это во сто крат дороже, чем отцовская арт-торговля, пусть он хоть всю Третьяковку продаст и купит с Лувром впридачу. Я тоже в какой-то степени э-э... художник. Творец. Настоящий деятель культуры – честный

наемник, создающий духовные ценности. Какие ценности? А вечные. Я провокатор эмоциональных всплесков. Миллионы людей присасываются к экранам, когда я съезжаю с горы, и визжат от азарта. Это что, не творчество? Да идите вы!

Короче говоря, я папулю вежливо послал, а сам уселся за компьютер и принялся копать в мыле. Первым делом нашел письмо от Кристи и убедился, что у нее все в порядке. Решил позвонить, когда разберусь с остальной писаниной. Корреспонденции набежало изрядно – в основном узкопрофессиональная реклама, кое-какие свежие каталоги, сводка последних новостей из штаб-квартиры Федерации хард-слалома и прочая муть, которую нужно регулярно просматривать, дабы быть в курсе. Была и нормальная почта. Тренер прислал свою дежурную картинку в виде громадного волосатого кулака с подписью «Ты смотри там у меня!» Ему уже полагалось всюю крутиться на месте, оценивая трассу в Кортина д'Ампеццо. Судя по отсутствию подробностей, трасса либо ерундовая, либо такая, что нет смысла пугать нас раньше времени, а то еще не приедем. Из-за этого тренер ненавидит давать нам короткие отпуска на пару дней. В периоды легких передышек у хард-слаломиста начинается едва выраженный адреналиновый голод – не настолько дикий, чтобы захотелось прыгнуть вниз головой с Останкинской башни, забежать обратно и снова прыгнуть, – а как раз такой, от которого люди становятся трусоваты. Обычно нас поддерживают в состоянии баланса на грани между откровенным стрессом и небольшим привычным напрягом. Крошечную паузу в разгар сезона русской команде подарили не от хорошей жизни, а из полной безысходности. Мы плохо выступаем, нарушился внутренний климат, и старик решил нас хоть таким образом встряхнуть.

Илюха с Димоном сообщали, что они в воздухе, и стараются не открывать глаза, потому что мимо то и дело носят алкоголь. Я сбросил им короткое приветствие. Фэн-клуб в сотый раз умолял меня приехать свадебным генералом на какие-то любительские соревнования. Пришлось витиевато извиниться. Две просьбы об интервью в двух московских газетах – это можно было сделать и по сети, но только после согласования с менеджером, так что журналистов я оставил на потом.

Общаться с Крис через отцовский сетевой выход за папулины же деньги мне показалось не очень корректным, поэтому я достал свой телефон. Интересно, кто-нибудь еще кроме русских называет эту штуку телефоном? Сомневаюсь. Хотя тем же чехам, полякам, болгарам слово «хэнди» вряд ли ближе, чем нам. Я как-то об этом Попангелова спросил, а он мне в ответ: какая разница? Почему у вас, русских, лифт, а у нас асансьор? Хотя это мы вам кириллицу подбросили. Я говорю – при чем тут кириллица? Он – да при том, что не Иван ее придумал. Если вещь приходит из-за рубежа, она приносит название с собой. Откуда пришла, оттуда и принесла. Я ему – то-то вы галстуки врьтоврзками называете. Он – видишь, значит, мы не только азбуку изобрели...

Посмотрел я на свой хэнди – ну вылитый телефон. И позвонил Крис. Девочка как раз пришла со склона, взмыленная, злая, и жутко мне обрадовалась. Минут десять мы очень мило беседовали, обсуждая, как нам ловчее пересечься в Кортина, чтобы не вывести из себя тренеров. Получилось, что минимум одна ночь у нас будет, да еще и полдня впридачу. При вечной обоюдной занятости расклад просто царский. В Шамони мы, увы, не стыкуемся, потом короткая встреча в Валь д'Изере, затем поодиночке Шладминг, Гармишпартен... тьфу! Гар-миш-пар-тен-кир-хен! И наконец, закрытие «жесткого сезона» в Китсбюэле – Крис через сутки подъедет. «Вот там и поговорим всерьез, – подумал я. – Пусть лучшая часть сна непременно сбудется». И снова про себя отметил – Поль, дружище, хоть сломайся, но золото возьми. Именно в этом сезоне, потому что в следующем тебя зажмут. Попробуй! С золотом на шее тебе все пути открыты – и из спорта, и под венец. Появится наконец-то моральное право зачехлить лыжи и стать нормальным человеком. Иначе до конца своих дней

будешь дрыгаться и локти кусать. Тебе это надо? Тебе надо, чтобы Крис мучилась – у нее ведь примерно та же проблема? А так будет победа, которой вполне хватит на двоих.

Может, все-таки поговорить с Бояном начистоту? Ох... Никого я так не боюсь, как этого славного парня и единственного моего по-настоящему опасного конкурента. К любому другому в такой ситуации я бы запросто подошел и сказал за пару минут до старта: «Сдается мне, что ты сегодня прекрасно съедешь и ни в коем случае не упадешь. Слышишь – ни в коем случае!» Хорошо, не подошел бы – тренеры не позволят, они этот фокус знают. Но пересечься еще в отеле как бы невзначай... Так, может, и лучше – дольше будет нервничать, а перегореть не успеет. В позапрошлом году примерно таким образом один француз пытался из-за бронзы Илюху завалить. Но во-первых, чересчур поспешил, с вечера ему на мозги капнул. Во-вторых, не учел, что он для Илюхи авторитет сомнительный. И в-третьих, переоценил способности жертвы к иностранным языкам. Илюха по-французски говорит так себе, а понимает на слух вообще одно слово из десяти. По чистой случайности эта история всплыла – Генка докопался.

А вот у нас с Бояном полный контакт – он при таком раскладе мгновенно сообразил бы, чего от него хотят. И если я выберу правильную интонацию... Да, он догадается. Поймет, что это не попытка завалить, а просьба. И не кинется к психологу, а всего лишь сделает выводы. Либо внять слезной мольбе, либо потерять друга.

К сожалению, друзья о таких вещах не просят. Даже глазами не намекают. И вообще – чего я, собственно говоря, разнервничался? Я приличный лыжник, меня даже на улицах иногда узнают – правда не здесь, а только в Европе, но все-таки... К тому же на пике своей формы. Впереди четыре старта, четыре возможности привезти золотишко. Если Мария не будет тормозить – сделаем и дубль. А уж коли Боян его все-таки разломает... Что ж, буду катать свою возлюбленную на дорожном полноприводном аппарате, заряженном по полному опциону. Делать красивые репортажи, иногда съезжать по легоньким трассам просто так, для души. И ни о чем не сожалеть.

И ни о чем не сожалеть?

Глава 2

Валь д'Изер – легендарное место для тех, кто знает и уважает французскую горнолыжную школу середины двадцатого века. Здесь блистал Жан-Клод Килли, дед моей Кристин, будущий мэр Альбервилля, города белой Олимпиады. Знаменитые французские «зимние» спортсмены почему-то обязательно становились градоначальниками на склоне лет. В Шамони, где тот же Жан-Клод родился и встал на лыжи, одно время командовал Морис Эрцог. Вам что-нибудь говорит это имя? Хм-м, не очень-то и хотелось. К тому же Шамони мы уже проехали – именно проехали, во всех смыслах. Позорно завалив итальянский этап чемпионата, во Франции русские лыжники уперлись и задрали гордое знамя раздолбайства просто-таки на недосыгаемую высоту. Так погано мы давно не съезжали. В команде шел какой-то загадочный и явно деструктивный процесс. То ли все хором начали взростеть, то ли не менее дружно задумались о вечном. Почти у каждого вдруг обнаружились тяжкие личные проблемы, и бедный Генка с ног сбился, психотерапируя направо и налево. Машка ходила смурная и опухшая, даже в мою сторону против обыкновения не глядела. Ленка, по ее собственному определению, «так втрескалась тут в одного, что почти забеременела». Другая на ее месте выдала бы от радости блестящее время, но Ленка, напротив, бесстыдно привозила в своем коронном скоростном двадцатые места. Димон вдруг перестал со мной разговаривать, а Илюха по большому секрету выдал страшную тайну – у нашего записного лузера окончательно прорезался давно наточенный на меня зуб. Сам Илюха оставался непоколебимо стабилен, то есть стабильно посредственен, и в ус не дул. Тренер с каждым днем все отчетливее багровел и обещал скорую раздачу оплеух. Менеджер, напротив, выглядел крайне легкомысленно – похоже, нашел куда удрать, буде команда окончательно угробит сезон. Младший командный состав в виде помощников и заместителей лавировал, как мог, промеж двух огней. Массажисту Димон без видимой причины съездил по уху, и тот едва не уволился. Мне сразу пришло на ум, что неплохо бы поставить массажисту от себя бутылку – но тогда пришлось бы объяснять, в кого Димон целил на самом деле.

Среди этого всеобщего бардака один я старался как-то держать себя в руках и более или менее прилично выступать на трассе. Но когда такая атмосфера вокруг – сами понимаете, особо не разъездишься. Тем более, что тоскливые флюиды и миазмы, источаемые русской командой, начали поражать и соперников. В Валь д'Изере с трассы вылетали через одного, а американец Фил, взявший золото, пересек финишный створ в положении лежа. Неожиданно засбоил Боян Влачек – застрял, как и я, в четвертых-пятых, сопровождая это пространными жалобами на какие-то свои загадочные «критические дни».

И все же в моей памяти эти дни, несмотря на дрянное катание, остались удивительно счастливыми. Пусть даже лучший наш с Машкой результат заключался в пятиминутном удержании бронзового дубля на трассе Кортина д'Ампеццо. Зато там, в Кортина, случилась волшебная ночь с Кристин. А в Валь д'Изере получилось совсем трогательно: Боян со словами: «Ты привыкай, скоро он будет твой», вручил мне ключи от того самого «Порша», стоящего между нами на кону. И мы с Кристин спустились в долину, и сняли номер в отеле совсем как нормальные люди, не спортсмены какие-нибудь, и снова любили, и долго разговаривали, и горечь предстоящего расставания на целых три этапа показалась мне не такой острой, как обычно, потому что в конце сезона что-то важное между нами должно было произойти... Именно тогда я узнал, насколько это серьезно для Крис. Даже не узнал – выяснил до конца. Она вдруг в меня вцепилась, прижалась лицом к моей груди и сказала: «Извини, Поль, некрасиво говорить такие вещи, но какое же счастье, что ты стал медленнее ездить!» Кажется, у меня от неожиданности рот открылся. А Крис шепчет: «Ты не представляешь, как я боялась все эти годы, что ты угробишься на одной из ваших чертовых трасс!» Насчет

«чертовых» я перевожу как могу, ведь мы обычно говорим по-английски, и она употребила гораздо более крепкое выражение. Все, для кого инглиш второй язык, запросто ругаются на нем как сапожники. Оно понятно – не родной ведь. Недаром англичане уважают русский мат и с удовольствием его практикуют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.